

991
И-90 АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

9(с)
И 90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

18

Российский Институт культурного
и природного наследия
Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1946

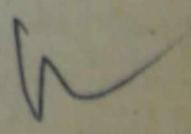
З

БИБЛИОТЕКА
И. М. С. 4658
Книг. № 4658

ПРОБЕТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. *Б. Д. Греков* (ответственный редактор), *А. Л. Сидоров*,
член-корреспондент АН СССР *А. Д. Удальцов*
Ответственный секретарь *И. У. Будовниц*

С. И. ЧЕРНОМОРДИК

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1905 года

I

Революция в чрезвычайной мере ускоряет исторический процесс, убыстряет ход исторических событий, делает старым то, что вчера еще казалось новым. Если в так называемые мирные эпохи изменения в общественной жизни народов накапливаются медленно и измеряются многими десятилетиями, то в революционные эпохи каждый день, каждая неделя, каждый месяц приносят глубочайшие изменения, влияющие на всю дальнейшую историческую судьбу народа. И чем глубже революция, чем глубже классовые противоречия, ее вызвавшие, тем быстрее и темпы нарастания революционных событий.

В буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., вызванной глубочайшими классовыми противоречиями, в которой пролетариат, самый революционный класс капиталистического общества, играл роль гегемона, революционные события разворачивались с громадной быстротой.

Еще за каких-нибудь 5—10 лет до революции каждая стачка в России справедливо считалась революционным событием, так как она поднимала на борьбу новые пласты рабочего класса, сталкивала рабочих лицом к лицу с их классовыми врагами, пробуждала их классовое сознание, приучала их к мысли о необходимости организации рабочего класса. Однако это были лишь разрозненные выступления отдельных отрядов пролетариата. Большевики во главе с Лениным и Сталиным прилагали гигантские усилия к объединению этих отдельных выступлений, к созданию общероссийской политической организации рабочего класса, к слиянию этих отдельных стачек в общероссийское движение. Это было трудное дело, требовавшее преодоления ряда препятствий. Величайшим событием в истории революции в России были Ростовская стачка 1902 г., стачки на юге в 1903 г. и бакинская стачка в декабре 1904 г., руководимая тов. Сталиным. Это был громадный шаг вперед. Это были уже не отдельные стачки на отдельных предприятиях, а стачки, охватившие целые районы, целые города, сопровождавшиеся митингами и демонстрациями, столкновением с войсками и полицией, пролитием рабочей крови. Под руководством социал-демократии эти стачки вылились в яркую политическую борьбу против самодержавия. Бакин-

ская стачка «была как бы предгрозовой молнией накануне великой революционной бури».¹

Наконец осуществилась задача, поставленная большевиками. Вызванное событиями 9 января стачечное движение по всей стране, в котором принимали участие сотни тысяч рабочих (в одной первомайской стачке участвовало свыше 200 тысяч рабочих), потрясавшее царскую империю весь 1905 год, вылилось в октябре 1905 г. во всероссийскую всеобщую забастовку. Среди событий, предшествовавших всеобщей октябрьской забастовке, громадную политическую роль сыграла иваново-вознесенская забастовка летом 1905 г., продолжавшаяся более двух месяцев. Эта забастовка, во время которой возник один из первых советов рабочих депутатов, оказала большое влияние на подъем революционного рабочего движения в Москве. Московская организация большевиков оказала иваново-вознесенцам значительную помощь посылкой организаторов и агитаторов.

Начавшаяся в Москве октябрьская всеобщая забастовка охватила всю Россию, смела булыгинскую думу и заставила царское правительство издать пресловутый манифест 17 октября с обещанием «конституции».

Октябрьская всеобщая забастовка показала гигантскую мощь пролетарского движения в России. Она показала, что пролетариат стал действительным гегемоном в буржуазно-демократической революции, что в лице партии большевиков рабочий класс России имеет свою партию, способную и готовую вести его на решительные схватки с царским самодержавием и его классовыми врагами. Но она в то же время показала, что всеобщая забастовка является недостаточным оружием для полной победы над царизмом. Октябрьская всеобщая забастовка нанесла сильнейший удар самодержавию, расшатала царский строй, заставив пойти на уступки, но не разбила его. Она создала лишь некоторое равновесие сил, когда, по характеристике Ленина, «пролетариат и крестьянство, вырвав у царя манифест, **еще не в силах свалить царизм, а царизм уже не может** управлять только прежними средствами...»²

Разумеется, пролетариат и шедшее за ним крестьянство не могли и не намерены были приостановить свое движение, удовлетворившись царскими обещаниями. Во-первых, куцая царская конституция не разрешала глубоких классовых противоречий и вообще не разрешала ни одного вопроса революции, прежде всего вопроса основного — о земле. Во-вторых, манифест 17 октября оставлял политическую власть в руках царского правительства, помещиков, привлекая к ней крупную буржуазию. Наконец, для пролетариата, руководимого партией большевиков, было ясно, что царский манифест — это попытка самодержавия обмануть революционный народ и получить передышку, чтобы собраться с силами для подавления революции.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 54.

² Там же, стр. 75.

В этих условиях стояли друг против друга враждебные силы, ждавшие благоприятного момента, чтобы в последней схватке разрешить исторический спор о дальнейшем существовании самодержавия в России. Но «равновесие» сил долго продолжаться не могло. Оба враждующие лагеря — пролетариат и крестьянство, с одной стороны, царское правительство, помещики и буржуазия — с другой, готовились к организации, укреплению и увеличению своих сил для решительной схватки.

Полтора месяца (вторая половина октября и ноябрь) понадобились царскому правительству для собирания и организации своих дезорганизованных сил. Необходимо признать, что за этот короткий срок царское правительство достигло больших успехов. Прежде всего, оно получило себе союзника в лице либеральной буржуазии. Потребовалось очень короткое время, чтобы рухнула распространявшаяся меньшевиками легенда о революционности российской буржуазии в буржуазной революции. На деле, на опыте подтвердилась резолюция большевистского III съезда рекомендовавшая «разъяснить рабочим антиреволюционный и противпролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках...»¹ Подтвердились на деле слова Ленина, что своеобразие русской буржуазно-демократической революции заключается, между прочим, в том, что буржуазия в ней играет контрреволюционную роль. Либеральная буржуазия имела в виду использовать всеобщую политическую стачку, чтобы урвать у самодержавия кусочек власти. Но она не могла допустить, чтобы в результате победоносной революции власть перешла к рабочим и крестьянам. Поэтому она была за мирную политическую стачку, поскольку она расшатывала самодержавие; но она выступила против пролетариата и открыто перешла в лагерь самодержавия, когда убедилась, что пролетариат не намерен останавливаться на полпути и будет продолжать свою борьбу до победоносного вооруженного восстания, до полной победы над царизмом. Гегемония пролетариата, приводившая в случае полной победы к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, находилась в резком противоречии с классовыми интересами буржуазии. Поэтому либеральная буржуазия, опасаясь углубления революции, вполне удовлетворилась обещаниями, данными царем в манифесте 17 октября, и вступила в соглашение с царским правительством Витте для совместной борьбы с революцией.

Период наибольшего подъема революционной волны (октябрь — декабрь) полностью раскрывает картину предательских политических маневров либеральной буржуазии. На происходившем в самый разгар октябрьской забастовки учредительном съезде наиболее влиятельной буржуазной партии, кадетской, лидер партии П. Н. Милюков, отмежевываясь «от промышленников и аграриев», расшаркивался перед левыми партиями. «Наша партия, — говорил Милюков, — никогда не будет стоять на страже этих интересов (т. е. «аграриев и промышленни-

¹ ВКП(б) в резолюциях, т. I, изд. 6-е, стр. 48.

ков». — С. Ч.). Между нами и нашими, мы хотели бы сказать, не противниками, а союзниками слева также существует известная грань, но она совершенно иного характера, чем та, которую мы проводим справа. Мы, подобно им, стоим на том же левом крыле русского политического движения»¹.

Резолюция съезда приветствует «организованное мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса, политически бесправного, но общественно-могучего»². Но все эти разглагольствования лидера и декларативные резолюции были лишь хитрыми маневрами, рассчитанными на обман мелкобуржуазных масс. В то время как кадетский съезд выносил «демократические» резолюции, видный кадет Кишкин на заседании Московской городской думы 15 октября 1905 г. так «успокаивал» перепуганную буржуазию: «Вчера я был на революционном митинге... Я видел там, что люди торжествуют, чувствуя свою силу, и говорят, что мы победим. Они остановили всю жизнь в России, но из тех речей ораторов, которые я слышал, я видел, что дальше у них никакой определенной программы нет, а это плюс в наших руках»³.

Когда на заседании Петербургской городской думы 18 октября сообщили, что войска стреляют в Технологический институт, где происходили рабочие митинги, председатель думы Красовский под гул одобрений гласных заявил: «Теперь так и нужно. Чего же им еще нужно?»

Вот где настоящее лицо либерально-буржуазной контрреволюции, всеми фибрами души ненавидящей революционный пролетариат! Вот где ярко выражен страх либерального буржуа перед возможностью полной победы над царизмом!

Манифест 17 октября полностью определил контрреволюционный путь либеральной буржуазии. 18 октября, в тот самый день когда подсланным полицией черносотенцем был убит наш товарищ Н. Э. Бауман, центральный комитет кадетской партии занимался вопросом об избирательной кампании в Государственную думу. А в № 276 газеты «Русское слово» от 21 октября 1905 г. было опубликовано сообщение о том, что собрание важнейших представителей кадетской партии, происходившее в доме кн. П. Д. Долгорукова, отправило по приглашению Витте в Петербург своих делегатов. Правда, ЦК кадетской партии пытался опровергнуть это сообщение⁴, но мы знаем из «воспоминаний» самого же Витте и Шипова, что так оно и было, что один из кадетов, кн. Урусов, согласился занять пост товарища министра внутренних дел при министре Дурново. Либеральная буржуазия сговорилась с царским правительством на платформе манифеста 17 октября. Так

¹ Конституционно-демократическая партия, съезд 12—18 октября 1905 г., стр. 7.

² Там же, стр. 22 (подчеркнуто нами).

³ Стен. отчеты о собраниях Московской городской думы за сентябрь и октябрь 1905 г., стр. 646—647 (подчеркнуто нами).

⁴ «Красный архив», 1931, т. 3 (46), стр. 44.

выглядит заявление кадетской резолюции съезда о том, что кадеты «решительно отказались от мысли добиться своих целей путем переговоров с представителями власти»¹. Переговоры с Витте ни к чему не привели, так как он сам был «неблагонадежен» в глазах царя и стоявших за ним крайних реакционеров. Но остается фактом то, что либеральная буржуазия после опубликования манифеста 17 октября решила с полной готовностью перейти в лагерь самодержавия для совместного удушения революции. А в день объявления декабрьской всеобщей забастовки и вооруженного восстания в кадетском журнале «Полярная звезда» (№ 1 от 6 декабря 1905 г.) видный лидер кадетской партии П. Струве умолял царя составить коалиционное буржуазное правительство для спасения от революции.

На заседании ЦК кадетской партии 7 декабря 1905 г. раздавались настойчивые голоса о необходимости открыто отмежеваться от забастовки и начать переговоры с Дубасовым². В декабрьские дни царское правительство орудовало в союзе с либеральной буржуазией, заявившей в лице ЦК кадетской партии о своем отрицательном отношении к забастовке (ведь она была не «мирная»!).

Таким образом, за полтора месяца внутреннее политическое положение царского правительства заметно укрепилось. Значительно улучшилось и его внешнее положение. Еще в сентябре царскому правительству удалось заключить с Японией Портсмутский мирный договор и тем ликвидировать войну и развязать себе руки для борьбы с революцией.

В то же время царское правительство укрепило старые связи с другим своим союзником — с западноевропейской буржуазией. Самодержавие всегда встречало поддержку со стороны западноевропейской буржуазии в его борьбе с революционным движением. Относясь к царской России, как к колонии западноевропейского империализма, буржуазия капиталистических стран была заинтересована в сохранении царизма, обеспечивавшего ей высокие прибыли от их многочисленных предприятий в России.

Победоносная революция, в которой ведущую роль играл пролетариат, грозила нанести серьезный ущерб материальным интересам мировой буржуазии, ликвидировав ту варварскую политическую и экономическую обстановку, которая создавала благоприятные условия для колониальной эксплуатации рабочего класса и крестьянства России. Поэтому правительства западноевропейских «конституционных» стран часто в обход своих же «демократических» законов, тайно от «своих» же народов, сочувствовавших русской революции и поддерживавших ее, всегда оказывали помощь и содействие царскому правительству в его борьбе с революцией.

Ненавидела западноевропейская буржуазия русскую революцию, во

¹ См. упомянутые стенографические отчеты, стр. 21.

² См. Протоколы ЦК кадетской партии, «Красный архив», 1931, т. 3 (46), стр.

главе которой шел пролетариат, руководимый партией большевиков, и потому, что она оказывала революционизирующее влияние на международное рабочее движение. Мировая буржуазия опасалась того, что под влиянием русской революции может произойти взрыв пролетарской революции на Западе.

Особенно помощь западноевропейских правительств понадобилась царскому правительству в связи с пересылкой транспортов оружия для революционных организаций из-за границы. Царское правительство поручило своим послам за границей принять меры к воспрепятствованию перевозки оружия из-за границы. Особенно усилилась деятельность царских послов в этом направлении с конца ноября в связи с подготовлявшимся вооруженным восстанием, когда отправка оружия в Россию из-за границы приняла большие размеры. Так, царский посланник в Копенгагене Извольский в телеграмме от 2/15 декабря 1905 г. сообщает о своих переговорах с датским правительством по поводу «ввоза датскими фирмами в наши пределы оружия и патронов, более или менее значительные партии коих отправляются почти с каждым пароходом, отходящим отсюда в Финляндию». Извольский настаивал перед датским правительством на запрещении вывоза оружия, мотивируя тем, что «если подобный вывоз приносит выгоду двум — трем датским фирмам, то, с другой стороны, от революционных беспорядков могут пострадать десятки и даже сотни датских подданных, занимающихся в России разными видами мирной деятельности»¹.

Министр юстиции датского правительства Альберти объяснил, что по датским законам нельзя в мирное время запрещать вывоз оружия, подобное запрещение вызвало бы протест в парламенте, но датское правительство готово о каждом отправлении доводить до сведения русской миссии, «что дает русским властям полную возможность своевременно принять надлежащие меры по прибытии их в русские или финляндские порты»². Так датское «демократическое» правительство попросту стало полицейской агентурой царского правительства. Но оно «работало» не за страх, а за совесть. 9 декабря Извольский доносит из того же источника о предполагаемой отправке датским пароходным обществом в Либаву 54 ящиков с оружием на имя командира порта Александра III³.

7/20 января 1906 г. тот же Извольский доносит: «Датское министерство иностранных дел продолжает извещать меня каждый раз, когда выходящие из копенгагенского порта в Россию или финляндские суда принимали оружие или снаряды...»⁴.

Австрийское правительство открыто помогало царизму в его борьбе с революцией. В своем донесении от 25 января 1906 г. царский посол

¹ «Красный архив», 1925, т. 2 (9), стр. 43—44.

² Там же, стр. 44.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 48.

в Вене кн. Урусов сообщает о переговорах с австрийским министром иностранных дел графом Голуховским по вопросу о воспрепятствовании ввоза оружия в Россию. «Министр иностранных дел,— сообщает кн. Урусов,— заверил меня вновь, что строжайшие инструкции даны австрийской таможенной страже ввиду воспрепятствования вывозу оружия в пределы России»¹.

Департамент полиции находился в самых тесных отношениях с охранками капиталистических государств, и все крупные иностранные порты находились под бдительным наблюдением полиции.

В то же время Вильгельм II шлет «дружеские» советы Николаю II: «Сохрани бог от какой-либо уступки бунтующей черни: малейший шаг в этом направлении должен иметь гибельные последствия»².

Наряду с полицейскими услугами «демократических» правительств западноевропейская буржуазия в самый разгар революции оказывает царскому правительству серьезную финансовую поддержку, фактически совершает финансовую интервенцию. Несмотря на протесты революционных организаций России и рабочих партий за границей, буржуазия Франции устраивает миллиардный заем царскому правительству, находившемуся на грани финансового банкротства.

На пути из Портсмута Витте 4(19) сентября 1905 г. остановился в Париже, где вел с французским правительством и банкирами предварительные переговоры о займе. Предполагалось в ближайшее время начать окончательные переговоры. Однако октябрьская всеобщая забастовка, повлекшая падение русских ценных бумаг на парижской бирже, отдала переговоры. Буржуазия опасалась давать крупную сумму займа неустойчивому правительству. Еще в марте 1905 г. царский посол в Париже Нелидов, оценивая шансы займа во Франции, писал: «Излишне повторять, что главным предметом беспокойства финансового мира является положение дел внутри России»³. Французская буржуазия согласна была устроить заем при условии подавления царским правительством революции. И действительно после подавления декабрьского восстания французская буржуазия стала сговорчивее.

В своем донесении от 29 декабря 1905 г. (11 января 1906 г.) советник посольства в Париже Неклюдов дает в общем правильную характеристику настроений французской буржуазии: «Разгром революционного движения в Москве и энергичные меры, принятые императорским правительством для подавления беспорядков в провинции и охранения полного спокойствия в столице, уже значительно повысили и обаяние наше и русские фонды... Здесь отнюдь не забыли и любят вспоминать, что в 1871 г., при подавлении кровавого восстания коммуны, было расстреляно в Париже до 40 000 негодяев и что благодаря этим крутым, но вполне целесообразным действиям республика стала

¹ Там же, стр. 46.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, т. 4—5 (11—12), стр. 424.

С. Л. ПЕШТИЧ

О «ДОГОВОРЕ» ВЛАДИМИРА С ВОЛЖСКИМИ БОЛГАРАМИ 1006 ГОДА

В нашей литературе не раз шла речь о договоре Владимира Святославича, который был заключен с болгарами в 1006 г. Единственным основанием для суждений об этом договоре была и остается до сих пор «История Российская» В. Н. Татищева. Ее тексту доверял ряд историков, а в последнее время с защитой этого договора выступил на страницах «Историка-марксиста» М. Н. Мартынов¹. Заметка М. Н. Мартынова вызывает на замечания, которые, полагаем, смогут внести некоторое уточнение в предмет сомнений многих историков — насколько достоверно сообщение Татищева.

Заметка М. Н. Мартынова состоит из двух частей. Первая ее часть — критическая; она отведена разбору татищевского известия. Вторая часть — историческая, в которой доказывается, что при тогдашних связях Руси с Востоком такой договор мог существовать. Вторую часть рассуждений — о том, что могло быть и что было возможно, — мы здесь оставим без рассмотрения. Напомним лишь, что при обсуждении аналогичного вопроса о болгарских походах Святослава наш знаменитый византинист Васильевский предостерегал в подобных случаях исследователей, говоря, что «соображения внутренней вероятности вообще должны быть применяемы с большой осторожностью» и что «в мире физическом возможностей очень много, а в нравственном, с которым имеет дело история, их еще более»². Поэтому мы оставим в стороне все рассуждения о «вероятности» заключения договора, тем более, что с таким же успехом им можно противопоставить целый ряд разносортных рассуждений о «невероятности» этого договора. Подвергнем мы рассмотрению лишь единственную документальную основу версий о договоре — татищевский текст известия о договоре.

Н. М. Карамзин, наиболее последовательный критик Татищева и его «Истории Российской», в примечаниях к «Истории Государства Российского» систематически разбирает так называемые татищевские известия, т. е. известия, встречающиеся только у Татищева. Карамзин часто, из примечания в примечание, повторяет: «Татищев вымыслил речи»;

¹ М. Мартынов. «Договор» Владимира с волжскими болгарами 1006 г. «Историк-марксист», 1941, № 2, стр. 116—117.

² Записки АН, т. XXVIII, стр. 165.

«Татищев вымыслил некоторые обстоятельства»; «Татищев вымыслил письмо» и т. д. и т. п. и, заканчивая, характеризует Татищева историком, «нередко позволяющим себе изобретать древние предания и рукописи»¹. Прямой противоположностью Карамзина является С. М. Соловьев, утвердивший авторитетом своих работ «эру доверия» к «Истории Российской» Татищева, как историческому источнику.

Не останавливаясь на очень интересной и поучительной историографии вопроса о добросовестности Татищева, как историка, и ценности его «Истории Российской», как исторического источника, заметим, что все историки, и признающие и не признающие достоверность тех или иных татищевских известий, а в интересующем нас случае — договора Владимира с болгарами, обосновывали свои мнения одинаково независимо от самостоятельного изучения рукописей и летописных источников «Истории Российской».

А. А. Шахматов в статье «К вопросу о критическом издании «Истории Российской» Татищева»², изучая рукописи и сравнивая редакции татищевской «Истории Российской», установил в редакции, которую он признал второй, наличие значительной редакционной работы автора.

Редакционная работа Татищева, кроме добавлений из русских и иностранных источников, заключалась в распространении и переделке древнего летописного текста и даже, как утверждает Шахматов, «во вставке рассуждений, долженствующих связать одни факты с другими».

Шахматов имел основание заметить, что «основывающиеся на вероятиях исследователи» не могут спасти Татищева от обвинения, выдвинутого Карамзиным. Это важное замечание Шахматова об «основывающихся на вероятиях исследователях» может быть распространено и на всех историков, писавших о «договоре» с волжскими болгарами. Одно вероятие, одна возможность факта заключения договора Владимира с волжскими болгарами выдается за истину и подтверждение достоверности так называемого татищевского известия.

М. Н. Мартынов, приняв мнение Шахматова о необходимости осторожного отношения к тексту 2-й редакции и добавив от себя некоторые сомнения относительно точности передачи Татищевым подлинника «договора», все же, продолжая традицию «основывающихся на вероятностях исследователей», заключает: «Содержание «договора» 1006 г., записанного В. Н. Татищевым, нисколько не противоречит историческим фактам. «Договор», который сообщает Татищев, не вымышлен». Далее автор заметки напоминает, что при пользовании «договором» «необходимо иметь в виду, что он сохранился не в подлиннике, а в довольно вольной передаче Татищева, хотя и дважды им проверенной».

Прежде всего заметим, что, по М. Н. Мартынову, не совсем ясно, в каком источнике, летописном или не-летописном, находился упомянутый «подлинник». Дальше, нельзя согласиться с М. Н. Мартыновым,

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. XII, прим. 165.

² «Дела и дни», 1920, кн. I.

что «договор», «сохранившийся в довольно вольной передаче», дважды проверялся Татищевым.

Первоначальная редакция записи известия о послах от волжских болгар (а не о договоре, хотя бы в кавычках), сделанная самим Татищевым на полях рукописи¹, читалась только так: «6514 [1006] прислали болгары волские послы, дабы Владимир позволил им во градах торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и повсем градам послал грамоты». В тексте этой записи после слов «прислали болгары волские послы», Татищев приписал: «с дары многими и просили». Закончив известие, Татищев не удовлетворяется его текстом, зачеркивает находящееся в конце слово — «грамоты» и, прибавив, другими чернилами, вместо зачеркнутого — «печати [195]», продолжает: «повелев болгаром все их продовать по градом купцом, тиуном [судиям]², вирником и огневшине и смерди [сие шляхетству и крестьяном и подлости]»...

Эта вторая, распространенная редакция записи осталась неоконченной, но не по причине отсутствия места на полях для ее окончания, как думает М. Н. Мартынов, а в результате намерения Татищева еще раз сознательно переработать ее текст. Действительно, третья редакция записи, появившаяся в результате переработки, читается на отдельно приклеенном листочке так: «прислали болгары [волские] послы с дары многими, дабы Владимир позволил им в городех по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил, и дал им во грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали и русские купцы с печатями от наместников в болгары с торгом ездили без опасения, а болгаром все их товары продовать во градах купцом, и от них купить что потребно, а по селам не ездить; тиуном, вирником, огневшине и смерди не продовать и от них не купить»³.

Если взять в руки рукопись «Истории Российской», то легко убедиться, что Татищев мог бы закончить 2-ю редакцию записи на полях, так как ее окончание, как показывают приведенные тексты, должно было следовать сейчас же.

В только что приведенном виде текст известия передан (с некоторыми небольшими изменениями) в печатном издании «Истории Российской». Как видно, в самом тексте известия нет ни малейшего упоминания о заключении какого-либо договора в 1006 г. Таким образом, даже те историки, которые следовали бы в точности татищевскому тексту, видя в нем воспроизведение не дошедшего до нас источника, и в этом случае не могли бы сделать никакого заключения о существовании в

¹ Архив Лен. отд. И-та ист. АН СССР, Воронцовское собрание, № 647, л. 73.

² В прямых скобках, сделанных самим Татищевым, стоят слова, которые, по свидетельству автора «Ист. Росс.», должны объяснить текст; [судиям] — зачеркнуто.

³ В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 88—89. При цитировании текста всегда делаем исправление по рукописям, так как издание часто не удовлетворительно. Подчеркиваем места, отличающие новую редакцию.

начале XI в. какого-либо договора с волжскими болгарами. Все заключения о договоре прошлыми и настоящими историками делаются не на основании текста «Истории Российской», а на основании бокового заголовка, который читается только в печатном тексте «Истории Российской», которого нет в вышеупомянутой рукописи и который совершенно явственно, даже для не знакомых с татищевскими рукописями, никак не мог считаться заимствованным из какого-либо неизвестного для нас источника.

Перед нами теперь встает вопрос, как появилась у Татищева мысль о том, чтобы придать этому известию, уже претерпевшему, как мы видели, целый ряд усиления своего смысла, еще новую, более резкую формулировку, не путем изменения самого текста, а при помощи истолкования его, в виде бокового заголовка.

К решению этого вопроса нас подводит еще одно изложение Татищевым события 1006 г. в неизданном еще «представлении» Татищева «о купечестве и ремеслах», время написания которого падает на годы между составлением использованной нами и М. Н. Мартыновым рукописи и появлением той, последней редакции «Истории Российской», которую Миллер положил в основу издания труда Татищева.

В этом новом изложении, пересказывая текст своей истории, Татищев впервые говорит именно о договоре Владимира с болгарами. «Владимир I,— сообщает Татищев,— в 1006 году с болгарами волскими, яко сильнейшим тогда в сих странах купеческим народом, договор купеческой заключил, позволяя им во все государство для купечества безопасно приезжать; в том договоре знатное и купечеству весьма полезное обстоятельство включил, чтобы болгары ни шляхетству, ни крестьянству своих товаров не продаловали и от них не купили, но единственно с купцами русскими во градах торговали»¹.

Легко заметить, что последовательное распространение и переработка первоначальной записи 1006 г. является следствием сознательной работы Татищева. Например, замена «грамот» «печатями» во второй редакции естественно произошла под влиянием сравнения текста 1006 г. с порядком, упоминаемым в договоре с греками. Следить за всеми редакционными изменениями нет смысла, так как из приведенных текстов совершенно очевидно, что распространение и уточнение в последовательно сменяющихся редакциях есть результат той редакционной работы Татищева, о которой говорил Шахматов.

Однако и первоначальная запись 1006 г. также может быть целиком отнесена к редакционной работе автора «Истории Российской». В самом деле, кроме известия 1006 г., в «Истории Российской» есть целый ряд не имеющих в летописях известий о русско-болгарских отношениях, происхождение которых надо относить к общему источнику. Например, под 1221 г., где в соответствии с летописью сообщается о заложении Нижнего-Новгорода, добавлена своего рода историческая

¹ Воронцовское собрание, № 380, л. 414 об.

справка: «бе бо тут первее град болгарский»¹. На известии 1088 г. мы несколько остановимся. В рукописи 2-й редакции «Истории Росс.» оно дано на двух приклейках и в печатной «Истории Российской» читается так: «В те же времена были на Волге и Оке разбой и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгары же прислали к князю Ольгу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы и взятого, пришед с войски Муром взяли и пограбили, а села пожгли»².

И в рукописи 1-й редакции, и в основном тексте рукописи 2-й редакции «Истории Российской» известие это читалось кратко, как в летописи: «В се же лето взяше болгаре Муром». В рукописи примечаний к 1-й редакции в примечании к этому месту написано: «здесь первое о войне волжских упоминает». Затем Татищев собственноручно на полях добавил: «токмо причины не объявлено»³. Но в окончательной редакции вместо этого примечания неожиданно находим другое, а именно: «о приходе болгар и взятии Мурома во всех кратко, токмо что пришед болгары взяли Муром, но в Нижегородском и Макарьевском точно против сего»⁴.

Одна из этих летописей, названная Татищевым Нижегородской, находится ныне на полках рукописного отделения Библиотеки Академии Наук⁵, и в ней ничего подобного нет. Нижегородская летопись, как можно совершенно точно установить, стала известна Татищеву в 1741 г.⁶ Совершенно естественно, что Татищев, всегда столь обстоятельно обрабатывавший все свои труды, не замедлил бы внести это интересное известие в рукопись, по определению Шахматова законченную только к 1746 г. Быть может, Татищев все же получил какие-либо безимьянные летописи уже после окончания 1-й редакции и на основании их сделал распространение известия 1088 г., тем более, что Татищев в печатной «Истории Российской» говорит о двух манускриптах, которые ему обещали прислать⁷.

Татищев их действительно получил, и мы можем точно установить, когда именно он их получил. В Р. С. письма к Теплому от 16 мая 1749 г. Татищев пишет: «ныне я нечаянно получил два древние летописца русские, каких не чаял. Из них нечто надобно мне в сочиненную (историю.— С. П.) для большей ясности обстоятельств вносить»⁸. Но приписка известия о договорных отношениях с болгарами в 1006 г. и бес-

¹ Рукописное отделение Биб-ки АН СССР, 17.17.П (это рукопись 1-й ред.), стр. 504; ср. «Ист. Росс.», т. III, стр. 428.

² «Ист. Росс.», т. II, стр. 139—140; Воронц. собр., № 647, л. 87 об.—88.

³ Воронц. собр., № 643, л. 418.

⁴ «Ист. Росс.», т. II, прим. 298.

⁵ См. описание ее в «Ист. Росс.», т. I, стр. 62; А. Шахматов. «Из занятий Татищевым» — Арх. АН СССР, ф. 134, оп. I, № 578. Она издана в ПСРЛ, т. VII, Ак. (Алатырская) XIII.

⁶ Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 31, л. 115.

⁷ «Ист. Росс.», т. I, стр. 64.

⁸ Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 819, л. 122.

спорно связанное с ним известие о разгроме Мурома были сделаны годом раньше.

В упомянутом выше «представлении» Татищева «о купечестве и ремеслах» текст известия 1006 г., как мы установили, читается в последней редакции. Сопроводительное письмо Татищева к «представлению» датировано 12 мая 1748 г.¹ Следовательно, все эти приписки возникли раньше появления у Татищева двух летописцев. Из сопроводительного письма также узнаем, что занятие Татищева историей и географией «почитают за непотребное», и — как с горечью пишет автор «Истории Российской», — ему остается трудиться над ними «токмо для моего в том увеселения». Именно в это время Татищев, по его собственным словам, «видя себя при конце жизни, рассудил последний долг отдать кратким представлением о купечестве и ремеслах». Это «представление» Татищева и сопроводительное письмо к нему, помимо большого интереса, как материала для характеристики экономических воззрений Татищева, имеет специальное значение в вопросе определения ценности «Истории Российской», как исторического источника.

Появление целого ряда так называемых «татищевских известий» может быть объяснено в связи с «Представлением о купечестве и ремеслах». Татищев начинает свое «Представление» следующим заявлением: «всем искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходят единственно от прилежности народа к рукоделию и доброго состояния купечества». Указав на пример Англии и Голландии, которые «единственно ремеслами и торгами великие богатства и силу приобрели», Татищев переходит к исторической справке о купечестве и ремеслах в России.

«Что же нашего Государства принадлежит, — пишет Татищев, — то мы по истории довольно видим, как весьма давно государи о пользе купечества русского прилежали». Для нас в данном случае в этой исторической справке, охватывающей время от договоров с греками до Елизаветы Петровны включительно, интересно главным образом наличие тех известий, которых мы не находим в «Истории Российской» Татищева.

Так, рассказывая о деятельности Мстислава, Татищев сообщает, что этот князь «запретил золото и серебро вывозить»; «оружие беспошлинно привозить», — добавляет Татищев в приписке и заканчивает утверждением, что «новгородцам о купечестве закон был, токмо оного нам не осталось». Ничего похожего мы в «Истории Российской» не встречаем². Следовательно, это известие могло возникнуть у Татищева в момент составления «Представления» и не было внесено в «Историю Российскую» потому, что оригинал, как видно из письма, был отослан, а «черного», т. е. копии, у Татищева не осталось. Это одна из несостояв-

¹ Воронц. собр., № 546, лл. 504—505.

² См., например, здесь: «Владимир I Великий в 990 г. многих ремесленников из грек и болгар призвал»; последних трех слов в «Истории Российской» нет.

шихся приписок к «Истории Российской». В рукописи последней на отдельных приклеенных листочках мы встречаем добавления вроде упоминаемых выше. Так, на особой приклейке под 1129 г. сообщается о разграблении русских купцов, ехавших из Моравии, об энергичном вмешательстве только что упомянутого Мстислава и восторжествовавшей справедливости¹; под 1095 г., также на приклейке,— о разграблении корсунянами русских кораблей и победоносном карательном походе Владимира Мономаха на Кафу².

Определенная цель всех известий, написанных на приклеенных листах, ясна. Это вставки такого рода, о которых Шахматов говорит, что «они должны осветить ход событий и связать одни факты с другими».

В данном случае все вставленное Татищевым служит подтверждением его мысли о пользе купечества и необходимости покровительства ему. Такая большая и вольная редакционная работа не должна удивлять, так как Татищев писал «Историю Российскую» в форме летописного свода, в результате чего авторские соображения принимали вид летописных известий. Татищев, по примеру историков, «основывающихся на вероятностях», также имел основание предположить наличие оживленных торговых отношений с волжскими болгарами, «яко сильнейшим тогда в сих странах купеческим народом», и изложил свои соображения в виде летописных известий. Татищев с полным знанием дела в разных местах «Истории Российской» неоднократно писал о большом значении волжского торгового пути и роли болгарского народа в истории нашей страны.

Специальное исследование об «Истории Российской» В. Н. Татищева должно выяснить всю совокупность приемов и тенденций редакционной или, вернее, авторской работы первого русского историка. Здесь только укажем на более широкий объем редакционной работы Татищева, чем обычно принято думать. Новые материалы о работе Татищева над «Историей Российской» и вновь найденные рукописи ее, наряду с изучением текста рукописи библиотеки АН СССР 17.17.П, позволяют пересмотреть мнение Шахматова об этой рукописи, как рукописи первоначальной редакции, и одновременно обнаружить даже в ней следы редакционной работы Татищева.

По свидетельству Татищева, принимаемому исследователями, для составления 1-й редакции «Истории Российской» автором были использованы одни летописные источники, без изменения их порядка и наречия³. Но, спрашивается, к какому летописному источнику мы можем отнести переделку хорошо известного ответа Владимира магометанским послам, где вместо обычных слов: «веселие Руси пити, не можем без этого быти», у Татищева в рукописи 1-й редакции «Истории Рос-

¹ «Ист. Росс.», т. II, стр. 241; Воронц. собр., № 647, л. 143.

² «Ист. Росс.», т. II, стр. 156; Воронц. собр., № 647, л. 103 (последняя часть этого известия заимствована из Степенной книги и Стрыйковского).

³ «Ист. Росс.», т. I, Предизвещение, стр. XXIV.

сийской», именно на основании которой Шахматов считал, что «можно обосновать положение о том, что ничего изобретенного самим Татищевым не найдется в 1-й его редакции», мы, к удивлению своему, читаем: «неудобно, зане руссам есть в веселие и здравие от пития с разумом пиемого»¹. Конечно, источник этого известия даже «основывающиеся на вероятиях исследователи» не смогут отнести к всетерпящим «источникам, до нас не дошедшим». Источник такого разумного ответа легко обнаруживается — это сам Татищев. Например, в «Разговоре о пользе наук и училищ» Татищев тоже говорит об употреблении вина «с умеренностью и разумом»².

Итак, редакционная работа Татищева — это работа историка первой половины XVIII в., писавшего историю, но сохранившего форму летописного свода. Поэтому одно выяснение приемов редакционной работы Татищева само по себе не всегда может служить безусловным доказательством для определения достоверности всех известий «Истории Российской». Тем более, что, по утверждению М. Н. Мартынова, «историографы Татищева твердо установили, что в его распоряжении были ценные, затем погибшие исторические источники». В науке главным образом речь шла о летописных источниках Татищева. В самом деле, вдруг, в числе не дошедших до нас летописных источников была, например, какая-нибудь «купеческая летопись», из которой Татищев и заимствовал все свои торгово-договорные известия. Но надо сказать, что летописный фонд, положенный Татищевым в основание «Истории Российской», отчасти может быть определен, а отчасти разыскан. И если определение и разыскание летописных источников не будет окончательным, то оно все же будет настолько определенным, что наряду с установлением этапов работы и редакционных приемов мы будем иметь достаточное основание, чтобы прекратить постоянные ссылки на какие-то фантастические источники, бывшие у Татищева.

Что решение этого вопроса не так безнадежно, покажем на примере одного важного летописного источника «Истории Российской». Речь идет о так называемой Голицынской летописи. Как известно, к Голицынской летописи близко стоит летопись, названная Татищевым Раскольничьей. По свидетельству Татищева, в заглавии обеих читалось имя Нестора. Ссылка на их древность, наличие в них ряда известий, не подтверждаемых дошедшими до нас источниками, все это вместе взятое привлекало внимание к ним. Шахматов, заметив, что обе эти летописи озаглавлены по-южнорусски, или по-галицки, писал, что «если Раскольничья и Голицынская содержали некоторые чтения основной редакции Повести временных лет, то это бы могло объяснить наличность в Истории Татищева кое-каких известий, неизвестных по другим спискам»³.

¹ Рукоп. отд. Б-ки АН СССР, 17.17.П, стр. 154; «Ист. Росс.», т. II, стр. 64.

² В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ, М., 1887, стр. 20—21.

³ А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. XVIII.

Голицынской летописью Шахматов доказывал, что еще Татищев пользовался Киевской летописью, существовавшей отдельно от Волынской¹. Но оказывается, Голицынская летопись находится в Государственной Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром F IV.231.

Голицынскую летопись Татищев описывает так: Голицынский манускрипт «из библиотеки князя Дмитрия Голицына, писанной белорусским письмом, надписание имеет ровно второму (т. е. Раскольничьему — Повесть временных дней Нестора черноризца Феодосиева Печерского монастыря.— С. П.). В нем многое находилось обстоятельнее и дела сверх того написаны, и сей бы мог за лучший почеться, токмо и в нем многое растеряно, знатно с чего оный списан, тот поврежден был, ибо на полях того же писца приписано тако: zde нечто проронено. Он кончается в 1198 году, но окончание его утрачено, а потом 19 лет спустя нечто непорядочно и новейшее лет 50 спустя внесено»².

Такое описание Голицынской летописи и ее текст в «Истории Российской» Татищева, положенный в основу изложения событий XII в., сделал возможным Карамзину в одном месте заметить, что Татищев, «имея весьма худой список Киевской летописи, вместо Стрежева, поставил Туров»³.

Из всех списков Киевской летописи замену такого рода находим в Ермолаевском списке. В заглавии этого списка также читается имя Нестора. Обращаясь к рукописи, содержащей Киевскую летопись в Ермолаевском списке, убеждаемся в наличии в ней тех же пропусков, о которых говорит выше Татищев. На полях же имеются такие же отметки, сделанные рукою одного и того же писца: «чегос недостает», «чегос неимаш», «чегос нет». В конце Киевской летописи, оконченной на середине страницы, также написано: «Тут перступлено лет 19».

Что дало повод неизвестному автору писать о пропуске 19 лет, нам неизвестно. Но причиной для утверждения Татищева об утрате окончания, пропуске 19 лет и внесении «нечто непорядочного и новейшего», явилось то, что Татищев Голицынскую, ныне Ермолаевскую летопись имел в списке. Список был сделан для Татищева, по возможности точный, но когда была окончена переписыванием первая часть летописи, то вторая часть была оставлена как «нечто непорядочное и новейшее». Такое заключение о Голицынско-Волынской летописи Татищев сделал, по всей вероятности, не видев оригинала.

Дело изучения «Истории Российской» еще далеко не может считаться законченным, и перед нами все еще остается нерешенным общий вопрос о возможности использования «Истории Российской» В. Н. Татищева в качестве исторического источника.

¹ Его же. Общерусские летописные своды — ЖМНП, 1900, № 11, стр. 154.

² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, прим. 386. «Ист. Росс.», т. III, стр. 110.

³ «Ист. Росс.», т. I, стр. 61—62.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СССР

- С. И. Черномордик. Декабрьское
вооруженное восстание 1905 г. 3
- Д. С. Лихачев. Русский посоль-
ский обычай XI—XIII веков . 42
- С. Б. Веселовский. Из истории
древнерусского землевладения 56
- К. Н. Щепетов. Сельское хозяйство
в вотчинах Иосифо-Волоко-
ламского монастыря в конце
XVI века 92
- К. Н. Сербина. К вопросу об уче-
ничестве в ремесле русского
города XVII века 148
- М. К. Рожкова. Из истории эконо-
мической политики российско-
го царизма в Закавказье (пер-
вая половина XIX в.) 169

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- В. М. Хвостов. Россия и герман-
ская агрессия в дни европей-
ского кризиса 1887 г. (К пред-
истории франко-русского со-
юза) 206

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- А. Н. Насонов. Из истории псков-
ского летописания 255
- Б. Б. Кафенгауз. О происхожде-
нии и составе Псковской Суд-
ной Грамоты 295
- С. Л. Пештич. О «договоре» Вла-
димира с волжскими болгара-
ми 1006 года 327

Печатается по постановлению Редакционно-издательского Совета АН СССР № 2425

Редактор Е. И. Кингисепп.

Технический редактор О. Зальмисина

А05511. Издат. № 803.
Формат бум. 70×108^{1/16}.

Тип, заказ № 132.
Печ. л. 21. Уч.-издат. 26,25.

Подписано к печати 6/V 1948 г.
Тираж 10 000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10.

Цена 22 руб. 50 к.

2-25